

Галина Шапошникова

An illustration of three people in a forest. A man in a red tunic and cap stands in the background, looking towards the viewer. In the foreground, a man in a white tunic and a woman in a red headscarf and patterned dress stand together. The woman is holding a basket of flowers. The background features birch trees and a warm, golden light. A single feather floats in the air to the right.

Тропы длинные и короткие

NoSugar. Сказки

Галина Шапошникова

Тропы длинные и короткие

«Издательство АСТ»

2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Шапошникова Г.

Тропы длинные и короткие / Г. Шапошникова — «Издательство АСТ», 2024 — (NoSugar. Сказки)

ISBN 978-5-17-165028-5

Желя оправляется провести свою бабушку, но находит пепелище, едкую гарь и нарастающую опасность. А ещё несуразного боярина в богатых одеждах и разбойника-кочевника, что держат путь вместе. Их цели схожи, поэтому они решают объединиться, ведь большая беда пришла в родные земли. Жар-птица, но совсем не простая! Деревни разоряют, народ вынужден бежать, и, если ничего не предпринять, ничем хорошим это не закончится! Смогут ли столь разные герои не просто путешествовать вместе, а объединиться в борьбе со столь мощным противником? Для широкого круга читателей.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-165028-5

© Шапошникова Г., 2024
© Издательство АСТ, 2024

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	18
Глава 5	24
Глава 6	28
Глава 7	33
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Галина Шапошникова

Тропы длинные и короткие

© Шапошникова Г., текст, 2024

© Annaise, иллюстрации, 2024

© ООО «Издательство АСТ», 2024

* * *

Глава 1

Папаша-волк учил прятаться в тени. Ночью это особенно легко – нужно только оттянуть темноту за ворот, подобраться да скользнуть по земле подальше от костра.

«На таких раньше волкам хвосты подпаливали», – подумалось горько, но делать нечего – конь сам себя не украдёт.

И скакун в самом деле был хорош. Едва покачивая головой во сне после долгой дороги, он склонился к земле – пара травинок прилипла к губам и дрожала от глубокого дыхания. Тёмно-бурый бок, прямо как шкура медведя, в рассеянном свете костра казался чёрным, только бляхи седла и стремян отливали медью.

И вор почти попался. Поднялся ветер, и от холода задвигался уснувший на подстилке хозяин коня.

«Боже мой...» – успел подумать Гий, прежде чем снова замер в темноте. Пока молодец сквозь сон устраивался поудобнее, он подумал, можно ли просить у Господа удачи в разбое, но ответ всё время ускользал.

Тех одежд, в которые заворачивался неудачливый всадник, Гий никогда не носил. Толстая ткань с вышивкой, две рубахи и ещё столько же, должно быть, в суме. Но всё это лежало у головы, и подобраться ближе было бы совсем опасно. Обойдётся конём.

Когда Гий почти вплотную подошёл к скакуну, тот медленно открыл пухлые веки и блестящими глазами посмотрел на разбойника. Хвост опасно ударил по бокам, хоть комарья и не было, и словно по просьбе на вытянутой руке закрутилась сладкая лесная ранетка. Конь громко захрустел, такая взятка была ему по вкусу, – какая разница, кого везти?

За удила Гий потянул его за собой. Мягкая земля проглатывала стук подков. Хозяин даже не потрудился снять с копытного друга всю эту медь и кожаные ремни – слишком устал после дороги. Напав на след богатого простака, несколько часов до ночи Гий шёл следом по спрятанной тропинке. Молодец вёл коня медленно, точно сомневался, что идёт по верному пути, и разбойнику это было только на руку.

Свет костра был всё дальше и дальше. Гий не рисковал пробежаться рысцой – слишком звонкая была узда, но с каждым шагом дышалось легче, казалось, что и половинчатый осколок луны подмигивает наверху, и Гий усмехнулся.

Стало совсем темно. Если в самом деле хочешь скрыться без следа, лучше прямо сейчас запрыгнуть на коня и пуститься вскачь.

– Ну ладно, – сказал Гий, хватаясь за седло, – посмотрим, так ли ты хорош, как твой хозяин.

Ещё мгновение скакун привыкал к чужому весу, переступал из стороны в сторону, но Гий пяткой направил его вперёд, подчиняя. Вверх взметнулась коротко стриженная грива, послышалось сердитое пыхтение, и недовольное животное закружило разбойника.

– Да всё, да ладно тебе! – шикнул Гий, натягивая поводья. – Я тебе сколько хочешь ранеток насобираю, не капризничай!

Конь поборолся ещё немного, а потом рысцой двинулся по сухой дороге. Гий мысленно поблагодарил папашу за подсказки верховой езды, пускай и редкие, и понадеялся, что стук подков не разбудит того боярина.

– Сразу бы так, – довольно сказал он, прижимая голову к груди от свистящего ветра, когда вокруг замелькали деревья. Но ради чистой совести надо было признать – Гий ни за что бы не хотел проснуться этим утром на месте обворованного боярина.

Гостевой дом на перекрёстке никогда не спал. Свет лился из окон, дымила труба печи. У ворот звучал свист, громкий разговор вперемешку со смехом. Будь Гий уважаемым человеком,

никогда бы в таком месте не остановился, но сейчас гостинка с сомнительного рода гостями казалась самым весёлым и вольным местом.

Гий уселся за тяжёлый стол у самого окна, один бок в серой косоворотке грел огонь, а другой охлаждал ветер из раскрытых ставен, гоняющий пыль с запада. Заношенная куртка из кожи лесного зверя прогревалась у очага – на середине пути разбойника застал мелкий дождь.

«Надеюсь, до того бедолаги туча не дошла».

Гий пил из чарки горячий отвар, чтобы согреть кости, и не было уверенности, что радушный хозяин гостевого дома не намешал в него чего покрепче, догадываясь об удаче нового постояльца.

Даже если бы этот мужчина потребовал платы после сытного ужина и веселящего питья, Гию было чем платить – в суме на боку коня, которую в ночи не заметить, вор нашёл несколько монет, мешочек соли и платок.

Когда угар после удачной проделки прошёл, юный разбойник посмотрел через окно на тёмно-синее небо. Найденных монет было достаточно, чтобы не продавать коня тут же, где полно желающих приобрести безделицу-другую, не вдаваясь в перипетии законности. Появилась мысль вовсе оставить такого красавца себе, а оставшиеся деньги отдать папаше. В семье не было привычки хранить добро по сундукам, была уверенность, что при первой же возможности всё богатство уйдёт на вещь более полезную, чем серебро – прочный нож, сапоги потеплее или славный котелок для общего на всё племя варева.

Гий чуть улыбнулся, представляя вкус варёного с дикой картошкой мяса и похвалу отца, когда услышал на улице заглушённое ржание. Веселье тут же спало, и он прищурился. Звук слышал только он, другие гости весело сидели за едой и горилкой и шумели, обмениваясь новостями и выдуманными историями о лихих делах.

Не дожидаясь новых звуков, Гий наскоро проверил вещи в карманах, натянул высохшую куртку и спрыгнул во двор прямо из раскрытого окна.

Во дворе было тихо и прохладно. Едва поведя головой на новый звук – грозный шёпот и ругательство, Гий припал к земле и двинулся глубже, в то место, где стояла конюшня.

Выглядывая из-за угла гостевого дома, он увидел, как два мужика, вширь занимавшие гораздо больше места, чем в длину, тянут за поводья уже его коня.

– Ну нет... – со злостью выдохнул Гий. Он едва усмехнулся, но в тёмных глазах не было и капли веселья, маленький клычок, которым разбойник так гордился в детстве, вонзился в губу.

– Господа хорошие, – в наигранном радушии прозвучал его голос, когда Гий вышел из оберегающей темноты в бледный свет, льющийся из гостевого дома, – вы пришли взглянуть на моего коня. Он славен, правда?

Злая улыбка всего на мгновение ушла с лица. «Нет, всё-таки правда чего-то намешали», – решил Гий, чувствуя, как голову чуть закружило.

– Разглядеть пожаловали?

Мужики не смутились, только перекинулись парой жестов, и чутьё подсказало, что самое время незаметно проверить нож за пазухой и напрячь плечо для первого удара.

– А то, – наконец сказал один из мужиков. У него были чёрные усы с редким волосом и влажные от слюны губы. – Мы с братом решили обскакать.

Второй из них улыбнулся. Руку он держал в кармане.

«Сжал в кулаке камень, чтобы удар вышел посильнее», – догадался Гий.

– Едва ли. Моему скакуну нужно отдохнуть. Завтра мы продолжим путь.

Молодой разбойник продолжал улыбаться. Старший мужик, казалось, принял его игру и растянул губы в оскале сам.

– Едва ли, – протянул он, передразнивая глухой голос Гия, – мы пустимся в дорогу прямо сейчас.

Второй брат, до этого молчавший, шагнул первым. В его руке, высунувшейся из кармана, в самом деле блеснуло что-то тяжёлое, железное. Гий увернулся от удара, провожая неудачливого драчуна взглядом – крепкий кулак потянул хозяина к земле, и здоровяк упал на колени.

– Споткнулись? – участливо спросил молодой разбойник, но новое ржание коня заставило обернуться.

Старший брат налетел сбоку, метя в ребро. Гий шагнул в сторону, но костяшки всё равно полоснули по поясу. Мужик тут же выпрямился, смешно расставив ноги, но в бой кинулся не он, а поднявшийся с земли братец.

Гий присел к земле, единожды ударил в живот и тут же пожалел об этом – удар вышел не такой сильный, сказалась плывущая от хмеля голова, и противник только раззадорился.

Из кармана разбойник достал мешочек и, бросая его в воздухе, вытянул бечёвку. Соль тут же песком рассыпалась в воздух, как брызги воды, и ослепила здоровяка.

– Вам бы в витязи, а не краденое переворачивать, – сказал Гий и пожалел об этом.

Мужик с гусеницей вместо усов оттолкнул визжащего брата, старающегося выскрести из глаз крошки соли к чёртовой матери, и ударил Гия в грудь. После сказанных слов дыхания не осталось, и вор согнулся. Его тут же подсекли, и новый удар пришёлся о влажную после короткого дождя землю.

Сил увернуться или подняться на ноги не осталось. Голова закружилась сильнее, братьев стало не двое, а четверо. Гий зажмурился, с опозданием вспомнив про нож, но руку его тут же прижали широкой ступнёй.

– Нет, парень, всё-таки едем, – услышал Гий откуда-то сверху. Голос смешался со всхлипами младшего брата, ещё не успевшего продрать глаза.

Последний удар пришёлся в затылок, и конь, уводимый новыми ворами, капризно заржал.

Глава 2

Пирожки дымились на подоконнике, солнечный свет скользил по кухне, Желя мысленно кляла всё живое.

Бабушка, живущая в другой деревне, – туда вела заросшая тропинка через лес, прямо, прямо, немного восточнее и переправа через ручей, – ждала её ещё вчера, но в последнюю минуту перед уходом понадобилась помощь по дому. Младший брат слишком раскапризничался, ужин сам по себе не готовился, да матушка вдруг переменила своё решение и непустила Желю.

– Ты же не будешь дуться весь день? – спросила она наутро. Её старшая дочь ответила, что нет, и мысленно исправилась – да.

В эту деревню они перебрались лишь несколько лет назад, когда мама во второй раз вышла замуж и уехала к мужу. Была бы воля Жели, осталась бы с бабушкой, но тут великая воля родительницы, пусть и мягкой по характеру, не позволила кровинушке остаться где-то на другой стороне леса.

Не стоит говорить, что новый отец был плох, просто с появлением брата стало слишком шумно и суетно, и Желе каждый день хотелось убежать хоть куда-нибудь – собирать грибы, помочь местным старикам по деревне, занять малышню во дворах.

Прощаясь, бабушка подарила Желе красную косынку.

– Твои белёсые волосы совсем выгорят, – сказала она, – а этот платок я носила ещё по молодости, мне такое яркое уже не по возрасту.

И Желя стала носить. Каждый день подвязывала косу по-разному, и подарок до сих пор не надоел. Даже наоборот, казалось, что цвет лица теперь не такой серый, и сразу брови как-то завиднелись...

Неспособная сама себя обмануть, Желя вздохнула – никакая красная тряпка не сделает её румянее.

– Но сегодня-то я могу идти?

Мама мягко поджала губы, изображая строгость, и вытерла руки, перепачканные в муке.

– А у меня выйдет тебя остановить?

Когда в люльке завертелся младший брат, Желя подошла первой. Теперь младенец выглядел хорошо – пухлый, кругленький. В день его рождения она едва-едва остановила себя от резкого замечания, что он похож на варёную гусеницу, и была благодарна себе за благоразумие.

– Ты ведь справишься здесь? – спросила она. Младший не хныкал и почти не капризничал, но, глядя, как этот комок пытался ухватить края люльки и вертел глазами, казалось, что вот именно с ним что-то случится обязательно.

– Справлюсь. За бабушкой в самом деле стоит приглядеть. Когда я ходила к ней последний раз, она была слаба, но при мне храбрилась. Её по-хорошему сюда перевезти...

– Я бы посмотрела, как ты пытаешься силой уволочь её через лес, – улыбнулась Желя. Брат в люльке подумал, что это она ему, и растянул беззубый рот.

Мама закатила глаза.

– На то это твоя бабушка.

Отец уже ушёл, и Желя, подхватив корзину с гостинцем – пирожки и горшочек масла, – покинула дом, не попрощавшись. Если она дойдёт до соседней деревни к вечеру, то заночует там же, у бабушки. У неё дома всегда пахнет чем-то горьким, но приятным, там гораздо меньше народу и выход к реке, как казалось ещё маленькой Желе, был чище.

Но и поселение, где она жила с новым отцом и матерью, с его извилистыми дорожками, тонкими бесплодными яблонями, крапивой, что росла то тут, то там и поднималась в небо гораздо быстрее, чем её успевали срезать, была знакомой.

Поблизости из-за забора кто-то громко говорил. Тонким облаком стояла пыль, и звучали хлопки выбиваемого ковра.

Но тут скрипнула тяжёлая дверь одного из домов. Раздался голос:

– Желя!

Тётка Василиса, неприлично высокая, со спрятанными в платке волосами и закатанными по локоть рукавами, стояла в тени, придерживая большой живот.

Желания перекрикиваться с улицы не было, и Желя зашла во двор.

– Никак в лес собралась? – спросила односельчанка, жестом приглашая девушку в тень.

– Не совсем. Надо проведать бабушку.

Тётка Василиса понимающе хмыкнула, хоть никогда её не видела. Непроизвольно она погладила край рубашки.

– Как здоровье? – Желе надо было идти, но не спросить об этом она не могла.

Василиса улыбнулась краешком губ и похлопала себя по животу.

– Прошлые два ребёнка родились легко. Что мне будет на третьем?

В этом была своя правда. Желя жила в деревне и видела, как беременные женщины в преддверии рождения закрывались дома. Они почти не занимались работой, не выходили на солнце, и как-то раз мама привела Желю в помощь одной такой женщине. Хозяйка дома ей улыбалась, шутила, но у девочки не получалось отделаться от чувства, что роженица просто храбрилась...

Василиса же, не растеряв мощь после рождения двух первых своих детей, ни дня не сидела дома. Наверное, поэтому Желя держалась поблизости от неё: такой силой и человеколюбием сама она не хвасталась, но чувство поддержки, а иногда и строгого наставления, помогло ей в своё время устроиться на новом месте.

– Хочешь дотронуться? – вдруг спросила Василиса.

Желя не ответила, только аккуратно положила руку на тёплый живот. Показалось, что внутри что-то двигалось, как невидимая в воде рыба. От этого сравнения она улыбнулась.

– Тяжело, наверное.

– Тяжело. Чувствую, этот будет капризным. Да куда деваться? Родится, и недели не пройдёт.

Желя не знала, кивать ей или нет. Она месяцами наблюдала, как полнеет Василиса, как меняется её походка, и странно было представить, что вот-вот живот уйдёт, но вот криков в соседнем доме, наоборот, прибавится.

Василиса поймала её взгляд и улыбнулась снова.

– Не успеешь заметить, как мой детёныш уже начнёт ходить. – Сказав это, женщина не удержалась и ущипнула Желю за нос – жест, которым здесь баловали маленьких детей.

– Я уже давно тебе не по колено, – сказала Желя, мягко поморщившись, но улыбка всё равно никуда не ушла.

Потом они, продолжая стоять на пороге, немного помолчали.

– Ты идёшь одна? – тихо спросила Василиса. – Возьми провожатого.

– А зачем? Развлекать попутчика лёгким разговором?

– Ладно уж, не кривись. О тебе же забочусь.

Роженица отворила дверь и позвала старшего сына. Прозвучала короткая просьба: принести что-то, кажется, из сундука, но Желя не вслушивалась.

Когда щупленький мальчик вернулся и шмыгнул обратно во двор, Василиса протянула что-то, завернутое в кусок потёртой кожи.

– Это?... Нож.

– Нож.

Василиса без лишних слов вложила его в корзинку к Желе. На солнце стала отливать обработанная кожа, сделанная под чехол.

– Но ты лучше в лукошке его не носи, держи ближе к телу.

– И на кого мне с этим охотиться?

Василиса снова хотела ущипнуть Желя, но та увернулась. Однако весёлости у соседки уже не было.

– Бросай это! Тебе через лес идти, там бывает всякое. – Она снова коснулась живота. – Зверя-то ты ударишь, а человека порезать, защищаясь, сможешь?

Желя умолкла. Мысль о том, что ещё немного, и ей придётся самостоятельно себя защищать, иногда приходила ей в голову, но всё это казалось далёким, однако теперь Василиса говорила, что время пришло. По коленкам расползся холодок, Желя вдруг поняла, что не готова.

– Пока что-то такое не случится, я не узнаю, – всё-таки ответила она, чтобы хоть немного успокоить Василису.

Женщина покачала головой, но ножа не забрала. Новых слов не было, Желя всё не уходила. Странное чувство в ногах, смесь предчувствия и жары, так и не ушло.

– Что-то ещё? – спросила девушка. Пора было идти.

– Нет. Нет, теперь всё. – Василиса до этого хмурилась, но тут постаралась улыбнуться. – Ступай, да не найди себе на голову беды.

Желя вздохнула.

– Ладно, я сама знаю, что ты у нас умница-разумница!..

На прощание они расцеловались, и Желя спустилась с крыльца, как вдруг Василиса сказала, обращаясь больше к себе, чем к уходящей гостье:

– Чувствую, родится девчонка.

В густом лесу стало темнее. Солнце россыпью горящих пятен падало на землю, а Желя забавляла себя тем, что считала их исключительно ради того, чтобы сбиться уже через пару минут. Редкие птицы на ветках встревоженно перекрикивались, но она на них не смотрела. Цветы и длинная трава танцевали под струями воздуха.

Она шла по длинному пути, ступая по наитию. Торопиться в такую погоду не хотелось. Одним боком она чувствовала корзинку с тёплыми пирожками для бабушки, а другим – холод кожаного чехла с острым ножом, подаренный Василисой. По дороге Желя убрала его под душегрейку и теперь думала, не порежется ли.

Но она не успела обдумать это как следует. С той стороны, куда вилась тропинка, пронёсся ветер.

И он принёс с собой запах гари.

Глава 3

Отчаявшись бродить по ближайшей поляне, Иван возвратился к погасшему кострищу. В то утро был проклят и крепкий сон, и хитрый конь, что ушёл так далеко, и всё путешествие.

– Уграздило же... – повторял он снова и снова, озираясь в тщетной попытке приметить у ближайшего куста тёмный хвост своего скакуна.

Чувствуя долгую пешую дорогу, ноги начали ныть уже сейчас. Всклоченные после сна волосы мешались у глаз, и Иван никак не мог их пригладить.

Он присел на валун и задумался. Ладно, конь просто ушёл, но унёс с собой дорогое седло и разные мелочи, разложенные по сумкам. Могло быть хуже. Или не могло?..

Наскоро умывшись в ручье, Иван не почувствовал облегчения. Голова затуманилась, и он, рассматривая землю, вернулся к оставшимся вещам.

Не глядя вперёд, горе-всадник не сразу заметил, что надо бы схорониться. На его поляне, там, где ещё тлел костёр в куче пепла, кто-то, присев на корточки, склонился над сумой. Иван по дурости оставил её тут же, так и не вспомнив – после сна он не увидел поблизости коня и сразу ушёл на поиски, не позаботившись припрятать имеющееся.

Первую секунду была мысль вообще не высовываться. Конь, задание от любимого батюшки – всё навалилось. И теперь, похоже, его ещё и обворовывают...

Ивану от самого себя стало смешно. Из кустов он не видел, высок соперник или низок, крепок или хил, и проверять совсем не хотелось. Обойдя поляну кругом и стараясь задеть как можно меньше веток, он присмотрелся к вору.

Делать нечего.

Пока незваный гость не успел опомниться, Иван выбежал вперёд с палкой наперевес и прицелился ему в голову, но не то расстройство этого утра, не то изменившая удача заставили вора повернуться именно в этот момент, и вместо ловкого удара прозвучал жалкий хлопок о плечо.

Молодой вор хмурился, разглядывая Ивана с палкой.

– Ты дурной какой-то? – спросил он и выпрямился.

Гию было не до игр. Коня выкрали, остаток ночи, после того как он очнулся в луже во дворе всё той же злополучной гостинки, он шёл обратно к поляне. Деньги ещё оставались – их два мужика не нашли, – но нужно было раздобыть ещё, чтобы совсем не опозориться перед отцом. Оставалась надежда на того уснувшего в лесу, который мог схоронить у себя в кармане ещё пару монеток.

Когда Гий вернулся к поляне, никого не было.

«Купается в реке. Или плачет в кустах», – подумалось ему, и тут же руки залезли в чужую сумку.

Но тут сзади послышался шорох, секунда, и неловкий удар пришёлся аккурат по свежему синяку.

Гий мысленно поклялся себе, что поколотит этого боярина.

– Вон отсюда, – сказал Иван, сглатывая. Вор был его ровесником, но проверять силу человека с таким хмурым взглядом не было никакой охоты. – Это моя сумка.

Гий цокнул языком, изображая сожаление.

– Плохая весть: у тебя там ничего ценного. Только бумага, писчие инструменты и по мелочи заморить червячка.

– Конечно, я все деньги хранил в одном месте.

Мысленно Гий ругнулся.

Иван шумно выдохнул. Драчун он был такой себе, но вот разглядеть лицо и понять, что и неудавшемуся вору воевать не хотелось, смог сразу. Они как последние болваны стояли на поляне, один – с палкой, другой – с чужой сумой.

– Ты ведь деньги ищешь, верно? Они все в маленьком мешочке на седле у коня, но он как-то распутал поводья и ушёл. Вряд ли куда-то далеко, Сокол у меня смирный. Помоги найти, а? Ты выглядишь... знающим, я тебе заплачу.

В глазах Ивана Гий в самом деле выглядел странно. Побитый, в земле и воде. Связанные в гулечку на затылке волосы имели неприметный русый цвет, но тут и там торчали седые пряди, эта красота выделялась ещё и тем, что создавалось впечатление, будто на голове были маленькие проплешины. Но глаза и брови – угольно-чёрные.

Гий впервые за это утро улыбнулся. Он запустил руку в карман кожаной куртки и со звоном подбросил оставшиеся монеты в воздух, играя.

– Вторая плохая весть...

Иван распахнул губы, шапка давно съехала назад, чуть ли не падая.

– Только не говори, что ты... Где конь?

– А ты сообразительный. Несильный, конечно, но прозорливый, – вздохнул Гий.

Во тьме ночи он плохо разглядел спящего. Казалось, что боярин немного старше, но теперь было ясно, что Иван только-только вышел из румяной юности. Но сухое лицо без детской круглоты, с резными щеками и круглым лбом, смотрелось диковинно. Драться с таким человеком не было нужды. В темноте да в толстом кафтане Иван казался крепче, но теперь Гий увидел, что одежда немного висела, точно её отдали с чужого плеча.

«Совсем хилjak», – пришла непрошенная мысль.

– Где мой конь?

– Украли.

– Ты украл?

– Сперва да, но теперь нет.

Иван начал хмуриться, и Гий заговорил:

– Я клянусь, у меня и в мыслях не было так по-дурацки с ним расстаться. Я прихожу ночью, ты спишь, конь стоит, а мне много и не надо. Тут поблизости деревня, ты бы сам благополучно дошёл до неё, там тебе гостеприимные люди оказали бы приём, и всё замечательно. А потом я приехал на этом твоём Соколе в гостинку, меня избили и обокрали.

Иван сел на землю у чёрного круга, оставшегося от костра. Он не принялся лупить Гия палкой, которую продолжал держать перед собой, не ругался. Могло показаться, что он просто медленно сходит с ума.

– Верю, коня жалко... – попробовал заговорить Гий после долгой тишины. – Но мы же не будем здесь на потеху лешему плакаться, верно?

– Ты украл коня, а потом его выкрали у тебя.

– Ну да.

– Рассказать – смешно, утаить – грешно.

Гий шумно выдохнул и опустил голову вместе с Иваном на землю.

– Бывают в жизни огорчения. Давай думать что-нибудь.

Иван продолжал молчать, разглядывая то угольные пятна на зелёной траве, то листики на кустах впереди.

– Всё с самого начала пошло не по плану... – протянул он, обращаясь скорее к себе, чем к Гию.

Молодой вор едва успел даже бровь поднять, когда Иван откинулся назад и рухнул спиной на землю.

– О-о-о, да ты у нас грустный, а не деятельный.

Теперь рыбы глаза Ивана смотрели не на траву, а на ясное мягкое небо.

– Ладно, давай не будем валяться, это точно не поможет.

Гий взял Ивана под локоть и постарался поднять, но хилак оказался достаточно тяжёлым, чтобы этот трюк не сработал с первого раза.

– Господи, ну не будем же мы проклинать небо до самого вечера!

– Я буду. А ты можешь идти. Деньги ты мне всё равно не вернёшь.

– Посмотрим, может быть, тебе удастся меня так разжалобить, что я верну те, что остались, да ещё буду должен.

Вор чуть ли не взвалил обессиленного Ивана себе на плечо. Немного того потряхивая, он принялся приговаривать:

– Ладно тебе, давай соберём весь твой скарб...

По большому счёту, собирать оставленные на привал вещи пришлось самому Гию. Несколько раз в голову пришла мысль бросить и это дело, и этого боярина, но его жалкий вид, как у кривонногого оленёнка, словно не позволял воплотить подобную задумку в жизнь.

Когда он не принялся помогать даже через несколько минут, вор начал злиться.

– При этом я не знаю, чего ты ожидал. Засыпать в лесу нужно чутко, странно, что ты вообще сомкнул глаза.

– Я не ночевал до этого ещё две ночи, – нехотя ответил Иван, растирая щёку. Ему самому уже надоело грустить, однако просто выйти вперёд и сделать вид, что теперь всё славно, никак не получалось.

Только тут Гий позволил себе неопределённо хмыкнуть. На лице была мягкая ухмылка, но глаза оставались серьёзными.

– Какое-то важное дело в этих краях? – аккуратно узнал он, протягивая собранную суму.

Иван взял её, хлопнул по бокам, точно примеряясь, украдено ли ещё что-нибудь, и перекинул через плечо.

– Своего рода.

От тоскливого выражения лица не осталось и следа. И без того тонкие губы сжаты, светлые брови отдавали рыжим на свету.

– Я не собираюсь лезть в твои дела.

– Но?

– Но я хочу узнать имя.

Иван покачал головой, но это выглядело неопределённо, словно он только оттягивает ответ.

– Иначе я придумаю тебе прозвище и, даже зная имя, стану называть так, – предупредил Гий.

– Заешь, последнее время я познакомился со многими любопытными, и всем им было дело до того, куда я еду.

Гий повёл плечом и развернулся, обходя поляну. Теперь, вышагивая дугой, в своей потёртой одежде и с тонкими убранными волосами, с расцветающим синяком на щеке, он в самом деле походил на волка, на отца.

– Я – не они. Мне довольно и имени.

– Иван.

Вор улыбнулся, отозвалась болью небольшая царапина у подбородка, обрётённая этой ночью.

– Ну вот. И стоило так скрытничать?

Иван не ответил, только посмотрел вопросительно, и, только вдоволь наусмехавшись и пригладив выбившиеся из гульки волосы, вор ответил:

– Я Гий.

– Как пегий?

– Шути побольше, и дорога нас не обременит.

Только теперь молодой боярин встряхнулся, опомнившись.

– Ты украл у меня коня. Думаешь, я с тобой куда-то пойду? – спросил он.

– В любом случае дорога одна. – Гий даже не притворился, что обиделся. – И деревня поблизости – тоже одна. Там, быть может, тебе помогут. Можешь разузнать что-то полезное. Не просто же такие нарядные приезжают в нашу глушь...

К полудню берёзовая роща осталась позади, там же остался пенистый рукав реки и луг, налитый пылью и жужжанием пчёл.

Гий шёл немного позади от Ивана, кося на него прикрытые глаза. Та скрытая тропинка, по которой они шли, была ухабистой и неровной, тут и там торчали корни, но молодой боярин не казался вымученным. За весь путь они не обменялись и парой слов.

– Остановись, – тихо сказал Гий, взгляд его заскользил поверху, оглядывая ветви деревьев.

Иван послушался, но на его лице отразилось то самое озабоченное выражение, которое Гий уже видел.

– Что?

– Запах.

Подняв головы, оба увидели тёмные серые перья. И это не облака – дым.

– Гарь как от костра, – пробормотал Иван и поморщил нос.

Внутри стало тяжело, словно это там оседал горький дым. Гий, набрав воздуха, был готов развернуться и уйти – своей чуйке он привык доверять. Но тут удивил Иван – боярин ускорил шаг и, не дожидаясь проводника, умчался за деревья.

– Дурак, – шепнул Гий и провёл рукой по голове – от дурного предчувствия волосы встали дыбом.

Оба полубегом достигли холма. Удивительно, но Иван вырвался вперёд и забрался на его верх первым. Гию, которому хотелось просто повернуть, выбрать другую дорогу или исчезнуть в лесу вообще, так и не удалось его дозваться.

Солнце, скрывшись за тонкими облаками, окрасило всё в мягкий молочный цвет, точно чья-то большая невидимая рука смяла светлую шерсть для будущей пряжи.

Стало тяжело дышать, но не от бега по холмам.

– Гий, гляди, – хриплым голосом позвал Иван и, чтобы точно привлечь чужое внимание, коснулся плеча, однако вор уже увидел.

Та деревня, до которой они дошли, скрывалась за цепью холмов. Вдалеке расстиралось поле, только-только зацветшее, и сверкающий край реки. Оттого ещё чуднее выглядели дома, избы и землянки.

– Всё сожжено, – сказал Иван, хотя Гий видел и сам.

Вместо рассказов об очевидном он показал пальцем в другую сторону от деревни, туда, где из земли выступал новый строй деревьев, и подсказал:

– Не похоже, чтобы кто-то не досмотрел за огнём. Тогда бы он перекинулся на лес...

– Но в пепле только дома.

– Дома.

Гий незаметно сглотнул. Вместо человеческих жилищ остались только закоптелые венцы, многие крыши вообще провалились, но вот трава немного поодаль от них оставалась нетронутой пламенем.

– Мы можем спуститься и посмотреть? – спросил Иван, но дрожащие руки выдали его тревожную напряжённость – ему хотелось посмотреть.

Гий больше не рвался по-звериному спрятаться, вместо этого он оцепенел, прикусив щёку.

– Ты пожарища никогда не видел? – грубее, чем это было нужно, спросил он. – Дома не дымятся, остался только запах... Тот, кто это устроил, давно не здесь.

Иван, проверяя что-то в карманах, неясно отмахнулся и первым спустился вниз.

«Если с ним что-то случится, заберу его кафтан», – подумал Гий.

Вблизи деревня выглядела ещё хуже. Обугленные венцы домов с пустыми чёрными окнами показывали куски неба. Стены и деревянные крыши, где они ещё оставались, скосились вниз, напоминая нос лодки.

Вор и боярин прошли ещё немного и не встретили ни одного уцелевшего дома.

– Эй! Есть кто живой? – крикнул Иван, касаясь края губ ребром ладони.

Гий тут же зашипел на него и звонко хлопнул по животу.

– Не голоси так! Слушай!

Вокруг – тишина.

– А если кому-то нужна помощь? – начал спорить Иван.

Их слова грозили перейти в шумный спор, но тут молодой вор словно почувствовал, как земля тревожится под чужими шагами. Пошла дрожь. По траве или по плечам Гия? Он едва успел повернуться, чтобы увидеть за костями очередного изуродованного дома силуэт старухи.

Она смотрела прямо, но не выпетила взглядом кого-то одного – точно заприметила каждого, и не приближалась. Взгляд светлых глаз не казался безумным, платье с длинным грубым рукавом почти чистое, только у подола растянулись пепельные росчерки.

– Старушка! – попробовал заговорить Иван, но Гий остановил его коротким смешком:

– Не верь тем старушкам, которые, выжившие, на пепелище совсем одни...

Им удалось найти хоть кого-то из деревенских, но легче почему-то не стало, тревога продолжала ёрзать в животе, и деться от неё было некуда.

– Страшных сказок у костра наслушался? – спросила старая. Она слабо улыбнулась, показывая спрятанные в морщинах чёрные полосы пепла.

Гий не стал отвечать, спросил Иван, выступая вперёд и показывая руки:

– Мы безоружны!

«Говори за себя», – не удержался Гий.

– Шли лесом, пока не почувствовали запах. Что же здесь приключилось?

Старуха рассеянно повела взглядом, словно только-только увидела остатки домов и сейчас упадёт. Узкие покатые плечи вздрогнули, и она скривилась.

– Вы же не из тех? – спросила коротко, а потом, увидя как Гий и Иван переглянулись, добавила: – Не из охотников?

Старуха спросила это всерьёз, запахиваясь в тонкое шерстяное покрывало. Гий вдруг подумал, что деревня выгорела уже давно. Как долго эта старушка тут одна?

– Бабушка, я клянусь, что родился честным вором и также и умру. Мой спутник хорошо одет и дурно дерётся, охотник из него хуже лягушки в птичьем гнезде.

Старуха снова улыбнулась:

– Я так и подумала. Больно перепуганный у вас вид. – Качаясь из стороны в сторону, она вышла поближе. – Давайте так: вы мне поможете, а я дам ночлег и скромный обед – мой дом на самом краю деревни, огнём его не задело. А там подумаем, что делать дальше.

– И что тут случилось, тоже расскажете? – спросил Иван, и старуха кивнула.

– Помочь-то чем?

Гий сунул руку в карман и принялся вертеть одну из украденных у Ивана монет. Если и эта бабка опойт его каким-то товаром и заберёт последнее – ему будет стыдно и носа показать перед своими.

Старуха промолчала немного, оглядывая сгоревшие дома.

– Людей хоронить. Огонь схватился быстро, и часть их даже выбежать во дворы не успела.

Иван двинул плечом, прогоняя холод где-то под кожей, и посмотрел на Гия. Тому было нечего сказать, но он слабо кивнул – не столько соглашаясь, сколько понимая.

– Идёмте. Найдём вам инструменты, – сказала старуха и двинулась по невидимым тропинкам вглубь деревни.

Глава 4

Пирожки в корзине остыли, а нож под боком нагрелся от тепла кожи. От быстрого шага красная косынка съехала в сторону – неприкрытую макушку гладил ветер. Запах, вид обугленных домов на фоне багрового неба и чёрных пиков сосен пробудили что-то внутри, и в горле защебило не то от гари, не то от подступающих слёз.

Первую секунду Желя надеялась, что перепутала тропинку и вышла к незнакомой, чужой деревне, которую настигла беда, но узор луга, приводящий к первым избам, вид на кусты шиповника неподалёку были слишком знакомыми, чтобы надежда, перемешанная с испугом, сумела набрать силу.

Желя дала зарок не приближаться к почерневшим домам, вместо прямой дороги через деревню она пошла в сторону, по самому краю. Кусты там росли гуще, ветками они цеплялись за летнюю накидку и подол сарафана, и Желе с попеременной удачей удавалось не оцарапать кожу. Но мелкие ранки успели покраснеть на тяжёлом воздухе. Она не чувствовала боли.

Дом бабушки стоял чуть в стороне от главного массива жилищ. Она рассказывала, что та земля, где изначально ставили деревню, со временем проглатывала дома, как бы ни трудились зодчие; вот и понадобилось перенести или перестроить то, что ещё осталось, поодаль. На новом месте деревня разрослась, а домик бабушки так и остался сам по себе. Местные деревенские предлагали перестроить его поближе к остальным, но к тому моменту мама с Желей уже уехали, бабушка состарилась и, ссылаясь на любовь к тишине за пазухой молодого леса, осталась при своём.

Наверное, именно эта подсознательная мудрость («Или лень!» – как сама бы пошутила старушка) и не позволила пожару перекинуться на её дом. Ещё издалека Желя заметила знакомый забор, который спустя года стал не выше её бедра, старые резкие ставни, побуревшие от солнца.

И когда она увидела свет из окон и убедилась, что это ей не кажется, то чуть не расплакалась.

– Бабушка! – тут же позвала Желя, забежая на порог. У печи стоял знакомый истёртый стол, а вокруг развернулся беспорядок – угольные пятна, неубранные инструменты, но Желя даже не задержала на них взгляда и бросилась в спальню.

– Бабу... – не успела договорить она.

В тесной комнатке всё было знакомо. Выцветшие тёплые одеяла, в которых в детстве Желе было жарко спать, занавешенные окна – света хозяйка дома не любила. Но признать бабушку в человеке, который спал на её кровати, Желя не могла. Замерев в дверях, она хмуро его оглядела.

Гость был не старше неё самой, но какой-то чумазый. Одеялом он закрыл только ноги, и серая косоворотка выделялась на фоне аляповатой ткани. Одна рука была убрана за голову, а вторая покоилась на груди.

Желя прищурилась.

Она всё ждала, когда спящий почувствует её взгляд и вскочит, но лицо его по-прежнему оставалось спокойным, расслабленным, а дыхание было ровным и глубоким.

«В самом деле спит», – подумала Желя и попятилась, пока её не заметили.

На кухне она глазами поискала что-то тяжёлое или острое, чтобы разбудить незнакомого и спросить, какого чёрта ему здесь понадобилось и где её бабушка, но потом вспомнила про Василисин нож. Желя уже успела половчее взять его в руку, когда входная дверь отворилась и, разгоняя пыль юбками, в дом вернулась хозяйка.

– Бабушка! – воскликнула Желя, получилось жалостливо.

Старушка выглядела скорее удивлённой, чем радостной, но тут же притянула внучку, которая успела перегнуть её в росте на голову, к груди.

Желя хрипло заговорила прямо ей в макушку:

– Я увидела дома... но вокруг никого не было...

– Ну-ну... – только и сказала старушка, поглаживая её по волосам и затягивая на положенном месте красную косынку.

Желя быстро успокоилась и даже не проронила ни одной слезинки, но пальцы на руках чуть вздрагивали. Только теперь она заметила, что бабушка пришла не одна – её гость неловко встал у дверей, держа в руке по пустому деревянному ведру.

Внучка вдруг вспомнила про спящего в бабушкиной кровати.

– Я знаю, что деда мы похоронили давненько, – медленно заговорила Желя, – но твой новый избранник, который лежит в спальне, показался мне слишком молодым.

Девушка даже не улыбнулась и посмотрела на другого молодого гостя так же хмуро, как до этого глядела на спящего, но бабушка развеселилась и цокнула языком.

– И что же теперь, это повод убивать её молодых любовников?

Этот голос прозвучал за спиной, и Желя, не оборачиваясь, поняла, кто поднялся. Первый незнакомец, скрестив руки на груди и опершись бедром на край стола, не выглядел заспанным.

Желя сперва не поняла его слов, но потом заметила, что продолжает сжимать Василисин нож.

– Да, внучка, многовато у меня нынче гостей, – заговорила старушка, слова её звучали наигранно бодро. – Однако давайте не разводить шум.

– У меня есть что спросить...

– Верю, – теперь голос упал в самую грудь, а на губах появилась горькая улыбка, – но сперва дело. О, да ты пирогов принесла! В самый раз. Дайте я вас разведу, потом соберёмся и поговорим. Гий, Иван, кончайте стоять, как идолы по весне, и идите отмойтесь, истопку мы наладили. Желя, подсоби прибраться, мы тут с мальчишками развели небольшой беспорядок.

Мальчишек не понадобилось звать дважды, и тот, что притворился спящим в бабушкиной комнате, за рукав вывел второго с ведрами наружу.

Желя поморгала несколько секунд, а потом стала помогать по приборке – в любом случае, ей обещали всё рассказать.

В монотонной домашней работе, руководимой короткими просьбами и замечаниями, Желя почти успокоилась. Ей должно было бы быть стыдно из-за того облегчения, которое она почувствовала при виде бабушки, если держать в голове, что вряд ли кроме неё остался кто из живых.

Снаружи потемнело, и не хотелось представлять, как пройдёт эта ночь.

Когда дверь со скрипом отворилась и снова впустила гостей, на этот раз отмытых, скромный ужин был уже готов. Женщины успели сварить нехитрую похлёбку на остатках мяса, разогреть пироги и настоять чаю на местных травах.

– Добрый вечер, – смущённо сказал тот, что стоял с ведрами, не зная, как завязать разговор.

Желя ничего не ответила и только кивком головы велела не мешаться и сесть за стол.

Чужаки, с мокрыми волосами, с покрасневшей после пара кожей, притихли, пока Желя с бабушкой накрывали на стол.

– Вот этот рыжеватый – Иван, а этот с кислыми губами и хмурый – Гий, – начала всех знакомить хозяйка. – Моя внучка Желя, опора, отрада и надёжа, кнут и пряник и уж не вспомню кто ещё.

Бабушка похихикивала над собственным остроумием, и Желя успокоилась совсем. Если бы во всём этом даже она не смогла разглядеть шутки – стало бы гадко.

В оранжевом свете от лучин и старых подсвечников все сели за стол, тесноватый для такой ватаги. И аппетит был только у Гия, который взглянул на притихшего Ивана и толкнул его в плечо.

– Ешь, – шёпотом сказал он. – Не думал, что упокоение тех мертвецов так уронит твой дух.

Желя неопределённо хмыкнула. Конечно же, в живых никого не осталось.

Бабушка кивнула.

– Верно. Этой ночью мы не утоляем голод, а поминаем.

Желя и Иван почти насильно заставили себя проглотить пару кусков.

– Ну ладно, – заговорил Гий и отпил чай. – У нас был договор: мы помогаем вам с мертвецами, а вы рассказываете, что здесь стряслось.

Взяв пирожок, бабушка щипком оторвала себе кусочек теста. Желя заметила, как торопливо Гий застучал пальцами по столу, и сжала его руку.

– Дай ей собраться, – шикнула она.

– В тот день было жарко, – сказала старуха, припоминая. – И из-за этого я легла вздремнуть... Наверное, я проснулась из-за криков, но теперь, сидя с вами и перебирая всё это в голове, я думаю, что ещё сквозь сон услышала шум по земле. Знаете, как стук копыт или волочение...

Бабушка задвигала пальцами в воздухе, но никто из молодых не понял, что именно она хотела показать.

– И только потом закричали. Когда я вышла во двор, от деревни уже шёл дым. Ветер тогда дул по низу, с неба нас, должно быть, было не видеть, но в глазах зарябило, и я ушла против в кусты.

Желя кивнула. Её руки ещё саднили после продиранья через дикий шиповник и малину.

– Те, кто пришёл с этой машиной, согнали людей на улицу. Наверное, их перебирали, но в толпе я видела и стариков, и детей, и мужчин, и женщин...

– Машиной? – Иван резко перебил и смутился, поймав взгляды Гия и Жели.

Но бабушка закивала, зацепившись за воспоминание, и рассказала:

– Её приволокли те люди, которые забрали деревенских. Какое-то страшилище на колёсах, окружённое решёткой.

Иван снова не утерпел:

– Она была похожа на птицу?

– Да, точно! Я помню клюв и горящие глаза, но стояла такая суматоха, что даже не стала вглядываться. Но именно ей те люди, которые забрали моих, подожгли дома, – сказала бабушка и прибавила горькую шутку: – Вот куда теперь приводят таланты ремесла...

Желя была готова прибить и Ивана, и Гия, который также ухватил мысль и вставил вопрос:

– Что за люди? – Спина его напряглась, а брови нахмурились. – Вы видели их в этих краях прежде?

И тут старуха начала сомневаться.

– Они стояли далеко, так и не вспомнишь. Но люди перекрикивались, называли их охотниками, кажется. Их там было больше, чем деревенских.

Бабушка умолкла, давая им всё обдумать. Переживая, Желя раскрошила пирожок в тарелку и скривилась – доедать такое никто не станет.

– Всех перебили? – спросила она, но старуха покачала головой.

– Мальчики закопали тех, кто сгорел во время поджога. Выживших больше, и всех их увели те люди, охотники.

Желя не знала, можно ей выдохнуть или нет. Многих людей бабушкиной деревни они знала, она росла с ними до тех пор, пока мама снова не вышла замуж, но теперь лица и имена растаяли, и ей стало жутко.

Она поняла, что дрожит, только когда Иван сжал её плечо и с сочувствием заглянул в глаза. Желя опомнилась.

– А твои гости? – Девушка старалась, чтобы это не звучало как недовольство.

– Пусть они расскажут, – взбодрилась бабушка. – Я и сама не знаю, каким ветром их сюда занесло.

Парни одновременно напряглись, и Желя это почувствовала. Долгие секунды они обменивались взглядами, словно выбирая, кто будет говорить. Сдался Иван.

– Мы встретились тут, в лесу. – Он затих. Говорить ли о том, что Гий украл его коня и потом вернулся, чтобы обворовать снова?

Гий пришёл на выручку, подтолкнув:

– Иван немного заплутал, а я знаю здешние дороги. Нам было по пути.

Боярин сжал губы, но так быстро, что никто не заметил.

– Мы хотели остановиться здесь на ночлег, чтобы потом снова двинуться в путь.

Бабушка доела пирожок и ленивым движением смахнула крошки со стола на пол – старая привычка, которую Желя видела ещё с младенчества; подметали пол у неё в доме всегда особенно усердно.

– Ну ночлег вы нашли, – кивнула хозяйка.

– В пожжённой деревне с разросшимся погостом, – добавила Желя и большим глотком допила холодный чай на травах. Она вгляделась в лицо бабушки, заметила тени, разлохматившиеся волосы и усталость в глазах. – Надо отдохнуть.

Все за столом посмотрели на неё.

– Я тебя, – Желя посмотрела на бабушку, – тут не оставлю. Мама с самого начала говорила, что тебе нужно перебираться с нами, а тут... считай, что знак.

Старушка молчала. Сидя в тонкой шали, в полутьме, хозяйка единственного уцелевшего дома не стала спорить, только сказала:

– Но спать я не буду. Нужно по-людски попрощаться с умершими.

Гий и Иван переглянулись, а Желя пожала плечами.

– Местный обряд. Если что-то не так сделать, то погибшие не упокоятся и будут ходить по округе, просить что-нибудь у путников. – Она скосила глаза на них обоих, словно намекая. – А это место и так не сегодня так завтра обростёт дурной славой.

Бабушка согласно закивала.

– Но его проведу я. – И без лишних слов Желя встала из-за стола. – Мальчишки пусть помогут тебе, положи их в большой комнате и постарайся уснуть. Утром я вернусь с обряда, и мы пойдём домой.

Гий покосился на неё. Весь вечер он слушал указания её бабушки и понял, что старушка была куда более мягким начальником, чем внучка. И удивительно, но у хозяйки дома даже не припаслось шутки на этот раз.

– Тогда уберите со стола, – сказала она гостям. – Я покажу Желе место.

К вечеру небо приобрело тот мутный синий оттенок, который проступает на коже синяком. Желя знает не понаслышке – по детству в резвости она часто падала, разбивала ноги и жвала юбки, но потом научилась шагу более степенному. Обугленные дома закатное солнце окрасило в алый. Желя знала и это – после того как синяки сойдут, её кожа краснела в раненом месте, и такое яркое пятно смотрелось ещё некрасивее на её бледной коже.

То, что осталось от последнего забора, огораживающего деревню от поля, перекошилось и кидало на землю странные тени.

«Словно ряды костей», – подумала Желя и широким шагом догнала семенящую вперёд бабушку.

Вся земля вокруг была раскопана. Несколько могил вздымались над травой чёрными холмами, как много их вырыто, как далеко уходил в поле этот новый погост – в темноте не разглядеть.

Женщины остановились. Вдруг Желя поняла, что ещё несколько часов, и она замёрзнет, но тут бабушка коснулась её плеча и передала узелок.

– Тут покрывало тебе на ночь, не обязательно доводить себя до мертвецкого холода, чтобы оплакать покойников.

Желя коротко улыбнулась, склонив голову. Рукой она скользнула к поясу и нащупала нож.

– Возьми.

Отмахиваясь от проснувшейся мошкары, старуха с недоверием посмотрела на нож.

– Я такой у тебя не видела. – Она вернулась к узелку и растормошила перевязь. – Зачем он мне?

Желя смотрела на бабушку долго. Сморщенные, как кожа сушёных яблок, руки, глаза, спрятанные за тонким нависшим веком. Она посмотрела на внучку снизу вверх и подмигнула.

– Ловко ты притворяешься, – протянула Желя. – Ты можешь обмануть этих юнцов, представиться слабой весёлой старушкой, но я-то выросла на твоих руках. – Девушка склонила голову и добавила слова, которые понимали только они: – Я знаю, как ты печёшь свои пирожки.

Бабушка молча вынимала толстые свечи из козьего жира, головку лука и пучки трав. В маленькую глиняную чашку она насыпала пыли из листьев и цветов, лучиной зажгла первые фитили и показала рукой на нехитрое убранство:

– Нож пригодится тебе самой.

Внучка снисходительно посмотрела на бабушку и все её жесты. Она спросила, вытаскивая нож из-за пояса:

– Против мертвецов?

Коротко хохотнув, старуха медленно встала с земли. Она опиралась на свои колени, выпрямляясь, а потом пояснила:

– Нарезать лук.

Когда они прекратили говорить, стало слишком тихо. Тихо для такой оживлённой деревни, которая когда-то здесь была.

Бабушка обернулась в последний раз.

– Тут два вида трав – от комарья и от духов. Не напутай!

Её слова не звучали строго, скорее наставительно. Обе они знали, что Желя никогда не оплакивала умерших одна, но сейчас выбора не было – совесть не позволила бы ей взвалить на плечи бабушки ещё и это обязательство.

Силуэт единственной выжившей медленно таял в темноте. Старуха не взяла ни одной свечи и двигалась по наитию, а Желя поспешила зажечь оставшиеся, чтобы самой не запутаться в клубке теней.

Оставшись совсем одна и лишь издалека приметив огонь в окнах бабушкиного дома, девушка повернулась к покрывалу. Свечи остались стоять полукругом, кончик травяного пучка тлел, и вверх вилась петля серого дыма. Мошкара пошумела ещё немного, приставая к уху, а потом исчезла совсем.

Собираясь с мыслями, Желя села на краешек покрывала. Вокруг расстилалась густая тишина. Только где-то далеко слышались шаги, шорох, и она старательно убеждала себя, что это звери, испуганные огнём, возвращаются в свои норы.

Грудь вздымалась и вздымалась, иногда Желя чуть задерживала дыхание, глядя, как тепло выскальзывает изо рта туманным облаком и тает рядом с огнём. Она старалась привык-

нуть к прохладе, сжимая пальцы в кулак, и освободить голову от мыслей. По крайней мере, на время.

Желя прислушивалась, чтобы услышать тление горячей травы; смотрела чуть наверх, туда, где горизонт касался линии свежевырытых могил, чтобы почувствовать рыхлую холодную землю на ладонях.

Дыхание участилось, грудь теперь вздымалась прерывисто, рвано, словно Желя бежала и не рассчитывала остановиться. Она чуть поморщилась, закусывая губу.

Разом навалил страх, воспоминания того, как впервые показались руины сожжённой деревни, ужас, что нет ни голосов, ни знакомых лиц – только мёртвая тишина. Как сейчас.

Теперь Желя взглянула на могилы. К страху за бабушку прибавились мысли о тех, кто нашёл покой в земле. Желя знала этих людей. Каждого. Но теперь не понять, кто из них кто и где лежит – горе уравнило всех, смерть ласкает одинаково. Образы людей живых, смеющихся, тёплых и суетливых мелькали перед глазами вопреки тому, где на самом деле находилась Желя.

Ощущения были такими сильными, что коже вдруг стало тепло.

Набирая силу, Желя скривилась, сощурила глаза как от яркого света и задышала чаще.

Никто не вернётся. Ни теперь. Ни на следующий день. Никто не защитил людей. Они были испуганы по-настоящему. Горящие крыши обрушились на их головы, и они едва-едва поняли, как оборвалась их жизнь. Под крики и треск горящих стен...

По щеке скатилась первая слеза.

Плакальщица выдохнула тонкой струйкой тумана, словно целуя воздух. Теперь дело пойдёт скорее.

Не найдя в себе сил и дальше сидеть прямо, Желя облокотилась на руки, сжимая край покрывала в кулаки и чуть не роняя чашу с курениями. Только светлая коса узлом лежала на лоскутном узоре.

Вдыхая воздух сквозь зубы, она представляла тех, кого больше нет. Их ужас, панику, обездоленность.

Она представляла себя на их месте.

Наскоро Желя взялась за нож и выкатила перед собой головку лука. Она нарочито медленно разрезала его на колечки, вдыхая горечь и морщась от набегающих слёз. Желя чуть опрокинула голову, чтобы увидеть чёрные подтёки облаков на тёмном небе и вообразить, что это дым сожжённой деревни достиг высоты и давит теперь на всё вокруг.

Представилось, будто в такой темноте солнце больше никогда не встанет.

Желя заплакала сильнее.

Луковый кусочек мажет по нижнему веку, чтобы слёзы ещё долго не высыхали. Губы плакальщицы дрожат уже по-настоящему, а всхлип уходит в тонкий вой.

Желя снова глядит на могилы сквозь мутную пелену, и ей хочется бить кулаками о землю.

Огонь от лучины горит до самой зари, и кажется, что это он зажигает небо.

Глава 5

Иван проснулся от незнакомых запахов: горячее дерево, сладкие цветы, что хозяйка дома собрала, проводив Желю, остатки теста от пирожков. Свет рассеянно плыл по стене, призванный криками птиц.

Неловко задвигавшись, чтобы не разбудить Гия, лежащего поодаль, боярин размял похолодевшие руки. Плечи болели после погребения, но, кроме этой тяжести, ничто не напоминало о бедствиях прошлого дня.

Ну, только если сам Гий.

Все образы с приходом утра размылись, сожжённые до венцов дома уже не казались такими страшными, но желания встать и посмотреть ещё раз у него не появилось.

Иван замер, когда услышал, как захлопнулась входная дверь. В главной зале кто-то хозяйничал, и из-за тихих шагов он подумал на Желю. Боярин сбросил шитый кафтан, прикрыв им ноги и живот спящего Гия, и, приглаживая волосы, вышел к очагу.

Желя, тоже немного лохматая, сминала красную косынку в руках, сидя за столом. Она не зажигала огня, не проверяла вещи, собранные в дорогу, – только смотрела на потухший очаг, что чернотой своей напоминал вскопанную землю могил, и моргала покрасневшими глазами.

– Доброго утра, – с осторожностью сказал Иван, не задерживаясь в проходе. За свою вчерашнюю неловкость от чувствовал себя дураком и сейчас решил исправиться: – Всё прошло благополучно?

Желя кивнула, толком к нему не повернувшись. Только через пару секунд она растёрла уставшее после оплакивающей ночи лицо и сказала сквозь пальцы:

– Вы хорошо их закопали. Спасибо.

Благодарить нужно было Гия. Он первым выкапывал самые глубокие могилы, пока Иван срезал землю по чуть-чуть, осторожничая. Если бы не вор, все приготовления не завершились бы и до самого утра.

На столе перед Желей лежало неаккуратно сложенное покрывало, пустые чашки, впитавшие запах трав, и жирные кольца как остатки от свечей. Тут и там торчали пожелтевшие колечки лука.

– Я лучше принесу тебе умыться, – сказал Иван. – Заодно поставим воду на чай.

Он не стал ждать согласия, только тихо взял одно из вёдер и вышел в утреннюю стужу.

Туман ещё не сошёл, трава была мокрая, а воздух пробивал горло. Всё вокруг казалось молочным и нечётким, только остатки сгоревших домов чернели в каждой стороне. Казалось, что пожар случился не на днях, а когда-то очень давно.

У колодца Иван знатно промочил ноги, да и полное ведро воды удалось собрать не с первого раза – она постоянно выплёскивалась. Боярин намочил рукава тонкой рубахи и вконец продрог.

В доме Желя уже поднялась и развела огонь. Она склонилась над принесённым ведром, зачерпнув воды, и, когда по телу пробежалась дрожь, девушка почувствовала себя почти бодрой.

– Это было страшно? – спросил Иван. – Я говорю про обряд оплакивания.

– Ужасна не смерть, а тот, кто её сюда привёл, – ответила Желя, разбрызгивая воду с рук. – Что это за охотники, о которых говорила бабушка?

Боярин покачал головой, стоя у огня и просушивая рукава.

– Мы с Гиём последние два дня были в лесу, но ничего не слышали.

Желя махнула рукой.

Потом они поспешно грели воду на чай и оставшиеся пироги. В погребе нашлись отварные овощи без соли и немного молока. Мёд, масло, часть крупы, пересыпанной в горшочек, бабушка ещё с ночи убрала в корзину. Остатки хлеба были разорваны на четыре равные части.

Иван помогал, чем мог, разливая горячее варево по чашкам.

– Ты не живёшь с бабушкой?

Желя намазывала на пирожки масло и ответила, не отвлекаясь:

– Нет, я перебралась в соседнюю деревню за мамой и новым отцом. Но мы частенько ходим её проводить.

Иван с пониманием кивнул.

– А ты?

– Что?

– Не в обиду, но местные так богато не одеваются. Удивительно, что тебя ещё не обокрал кто-нибудь.

Иван невесело улыбнулся.

– Да, сущее чудо. – Он помог выставить еду в общую тарелку и отмыть стол. – У меня не осталось ни бабушек, ни дедушек. Только отец и пара братьев.

– Но пришлось покинуть дом? – Теперь уже Желя спрашивала с любопытством, но Иван вдруг смутился и отвернулся.

– Да там своя история...

Гий и бабушка проснулись одновременно. Вышли к очагу, один – задумчивый, а другая – приободрённая. Она выбросила остатки обряда в огонь, перепроверила собранные вещи и только тогда села за общий стол.

– Эх, соли нет, – сказала старуха, приступая к овощам.

Желя пожала плечами. После долгой ночи есть несильно хотелось, но впереди была дорога до дома, и нельзя знать, что всё пройдёт тихо-гладко.

– Соли нет, – эхом повторил Гий и понуро переглянулся с Иваном. Всю соль он пустил в воздух, чтобы ослепить другого разбойника в гостинке.

Когда все более или менее насытились, бабушка спросила:

– Куда вам теперь, молодые?

Гий призадумался. Он обещал довести Ивана до деревни, что и сделал, но всё складывалось странно. Вспоминая остатки домов, он больше не считал одиночный поход в лес дельной затеей, хоть речь и шла о возвращении в стаю.

Хмыкнув, он растёр подборок и ответил:

– Мы пока напросимся в попутчики. Ивану всё равно нужно до ближайшего обитаемого поселения, а там разойдёмся.

Бабушке понравился ответ, и она не продолжила расспросов.

Иван видел собранность Жели, но всё равно признавал, что их отряд отбывал из деревни в спешке. Многие вещи оставались в избе, и хозяйка говорила, что придёт и заберёт их позже. Боярин не был уверен, что кто-нибудь, – в этот момент он старался загнать мысль о Гие поглубже, – не додумается обворовать дом раньше.

Но делать нечего.

Небо сделалось пасмурным, и за деревьями пролегли глубокие тени. Наблюдая, Иван замечал, что Желя нет да нет смотрит за спину, в сторону оставленной деревни, а Гий, словно наоборот, заглядывал вперёд дороги и озирался по кустам. В какой-то момент настороженность передалась Ивану, и только бабушка с лукошком наперевес чуть улыбалась, ступая медленно, но уверенно.

– Когда ты проходила здесь, никого не было? – спросил Гий у Жели, не оборачиваясь.

– Конечно же, никого. – Она сказала это сердито, словно вор оторвал её от собственных размышлений; Желя даже на него не посмотрела.

Иван не выдержал и спросил из-за его плеча:

– А что?

– Да не знаю я, погоди...

Старушка не вмешивалась в разговор. Из-за рукава она достала бутылку из толстого стекла с чем-то бледным и вязким внутри. «Масло, чтобы пироги не заветрелись», – было сказано под нос, но никто на неё почти не взглянул.

Впереди зашумели ветки, и первым остановился Гий.

– Назад. Назад! – выкрикнул он, отставляя руку в сторону и не давая Ивану пройти. – Бегом обратно по развилке на тропе.

Желя и бабушка растерялись, а Иван замер. И было поздно куда-то прятаться.

Ближайшие кусты с сухой шумной листвой задрожали, захрустели ветки, и на дорогу вышли двое. Грубая тканая одежда, запах огня и нечёсанные волосы. И Гий сразу признал в них своих знакомых разбойников, заметив топорщащиеся усы и влажные губы.

– Мирные путники, – сказал один из них; не спрашивал, а лишь подчёркивал то, что видел. Голос гнусавый и хриплый, словно его хозяин либо не говорил несколько дней, либо кричал ночь напролёт. – А! Уже оклемался?

– Где конь? – спросил Гий, сжав кулаки.

Знакомый разбойник хмыкнул.

– Пришлось продать. Нас вот двое, а он только один.

Иван съёжился. В голову никак не шла мысль, есть ли поблизости оружие. Блеск чужих глаз, руки на рукоятках ножей – всё это не представлялось радушной встречей.

Гий, стоявший впереди, не стал ждать. Пожжённая деревня, вору в гостинке – не самые добрые знаки, так что ему не хотелось давать противникам время на раздумья.

Неожиданно ему удалось наотмашь ударить самого ближайшего к себе разбойника по лицу. Бабушка и Желя, до этого медленно пятясь, кинулись прочь, обратно на развилку. Но тот, второй, вдруг побежал следом. Ивану только едва-едва удалось задержать его, кинувшись в грудь всем своим жалким весом, но разбойник откинул его в сторону, как шаловливую собаку, и в воздухе ухватил Желю за косу.

От резкой боли у неё потемнело в глазах, и она коротко взвизгнула. Иван захотел подняться, но первый разбойник, ударив Гия в живот, подскочил к нему и прижал ногой к земле.

– Да что же это!.. – воскликнула бабушка, откидывая седые волосы за спину. Она хмурилась, сжимая руки в кулаки, корзина в её руках качалась из стороны в сторону; и выглядела старуха так, словно сама сейчас пойдёт в драку. – Решили бы дело полюбовно, раз вам даже рубахи починить нечем.

Бабушка говорила строго, такого тона Иван от неё ещё не слышал и притих, поглядывая, когда можно будет вырваться и подняться с земли.

– Давайте так, мы не будем бежать, а вы не будете драться. Просто обговорим всё. Идёт?

Разбойники глядели, точно зачарованные. Но один из них, державший Желю, широко улыбнулся, проходя вперёд. Девушка волочилась за ним за волосы и оказалась совсем близко к лежащему на траве Гию.

– Вкусим же пирогов. Ради мира. – Теперь бабушка говорила по-другому, смиреннее и терпеливее, а после добавила почти жалостливо: – Уважьте старуху.

Вперёд вытянулась рука с корзиной пирожков.

Иван всё думал, каким способом их убьют. Желя проживёт чуть дольше, но боярин ей не завидовал. Затошнило, стало трудно дышать.

Разбойники переговаривались друг с другом о чём-то, грубо рассмеялись, и Иван заметил, как злобно блеснули глаза Жели.

Благосклонно кивнув, разбойник выхватил из рук бабушки корзину, взял пирожок и бросил его своему подлому соратнику. Они с удалью подняли руки, словно держали в них чарки, и сказали шуточный тост.

Глядя, как они откусывают от пирожка, старуха не моргала.

Желя, как назло, оставила нож в корзине, но рядом лежал Гий, с трудом приподнимая голову, и у его руки валялось диковинное лезвие. У девушки почти получилось достать оружие, когда боль в голове вдруг спала.

Разбойник за её спиной покачнулся и приложил толстую ладонь к горлу. Он вдыхал и выдыхал, забывая моргать. Его брат убрал ногу с Ивана и, жмуря больные глаза, сплюнул в траву. Отползая ближе к старому дереву у тропы, Иван пригляделся и увидел в слюне кровь.

С глухим стуком на дорогу упал старший из них, он согнул колено, словно собирался подняться, но вдруг застыл.

Бабушка хмыкнула, щёки её зарумянились, и она довольно посмотрела в корзину.

– Всегда работает, – сказала старуха.

Второй разбойник согнулся и застонал. Гий, покачиваясь, успел подняться – в глазах помутнело, как после долгого сна. Вор оттолкнул Ивана, предлагавшего на него опереться, и поднял лезвие с земли. Ногой он повалил разбойника на бок, приставил оружие к щеке.

– Вы следили?! – Волосы выбились из грубой тесьмы и закрыли виски, рот кривился, и губы краснели.

Ему не ответили. После короткого полустона умер и второй разбойник.

Гий устало выдохнул воздух сквозь зубы.

Марая руки в дорожной пыли, Желя склонилась низко-низко. Её била мелкая дрожь, и девушка не сразу почувствовала руку на своём плече.

Бабушка поймала её взгляд и подмигнула.

– Кто они? – тихо спросил Иван. Он, поморщившись, поднял шапку и даже забыл отряхнуть её от земли.

Гий невесело улыбнулся.

– Это те, кто украл моего коня.

Он нашёл у корней откусанный пирожок, цвет теста сделался странный – ярко-жёлтый, почти оранжевый. Гий заметил только сейчас.

– Отравы? Умно. – Гий нахмурился от боли в голове и посмотрел на старуху.

– Не могла же я уйти из дому без защиты, – пожалала плечами бабушка и приладила платок на плечах, прихорашиваясь.

Желя продолжала сидеть, и тогда Гий подхватил её под мышки, ставя на ноги. По юбке заскользила спавшая красная косынка, и вор поймал её в воздухе.

– Неужели не знала? – с издёвкой спросил он, глядя, как Желя хмурится. – Ладно, то ли ещё будет.

Гий похлопал Ивана по плечу, словно приободряя.

– Славно держался.

– На меня наступили.

Гий щёлкнул зубами и нервным жестом убрал волосы с лица.

– А могли убить.

Глава 6

Приближаясь к дому, с каждым шагом Желя чувствовала себя всё лучше. Появлялись знакомые деревья с отметинами, сделанными ножом, – символы её деревни. К вечеру стало свежее и, не почувствовав запаха гари, который, казалось, преследовал её всю дорогу, Желя почти улыбнулась.

– Господи, – протянула бабушка шутливо, – а деревня разрослась.

Это была правда. Последние года жители делали насыпь из земли и деревянных венцов. В несколько голодных для леса зим дикие звери разбушевались и выходили почти к заборам, поэтому деревенские решили защититься. Зима ушла, и волки больше не были у соседнего холма, но подобие крепости осталось.

Гий посмотрел на это внимательно и кивнул своим мыслям.

– Кто же знал, что крепкая ограда не станет лишней? – протянул он, вытянув губы. Иван, стоявший рядом, посмотрел на него косо, а Желя дёргано повела головой.

Все они прошли ещё немного, по бокам выходили из земли первые дома. Внучка под-держивала старуху, замечая, что она шла всё медленнее и медленнее, но улыбалась со вздохом на предложенную помощь.

Первое, что бросалось в глаза, – немногочисленность. Но кое-кто подходил поздороваться:

– Желя! Уже вернулась? – сказал один из соседей, почти старик. Он был самым старшим в семье, но пережил всех братьев и сестёр. Должно быть, потому, что никогда не убирал с лица улыбку и косил под дурака.

Девушка кивала, а потом быстро избегала беседы, буквально уводя бабушку, желающую пообщаться, за руку. Ей помогал Гий, который и Ивана тащил за собой – так боярин внимательно разглядывал избы и землянки.

– Ой, помню этот дом! – сказала бабушка. – Об его порог мы били посуду на свадьбу твоей матери...

– Да, я тоже помню. Ты отвела меня в сторону, чтобы я не порезалась.

По скрипучему порогу Желя поднялась к тяжёлой двери и прикрыла глаза, мысленно готовя рассказ. Если в доме только отец, то придётся правильно подбирать слова, чтобы всё ему поведать.

И в главной комнате в самом деле был только он. Азар, муж и отец, укачивал на руках плачущего сына, но получалось у него плохо. Только в последнюю минуту он услышал чужие шаги и воскликнул, увидев Желю:

– Здравствуй! Ты вовремя. Младший совсем разбушеввался... – Но не договорил, заметив за её спиной и Гия с Иваном, и бабушку.

– Кто это так убивается? – спросила старуха мягко, выходя вперёд. Она засеменила к внуку, заглядывая в плохо связанную пелену. – Давай тебя перекрутим, разворошил уже всё...

Желя сложила руки на груди и спрятала рот в кулаке. Ни мама, ни она не приносили бабушке младшего, и старуха видела внука в первый раз.

– Мировна? – удивлённо спросил Азар, но всё-таки передал сына в другие руки. Его вид тут же стал спокойнее, он зачесал волосы за уши и пригладил бороду. – Никак в гости?

Но тёща уже его не слушала и занялась ребёнком.

– Это правда долго и странно рассказывать, – ответила Желя, когда отец поймал её взгляд. – Они тоже с этим связаны. – Девушка мягко коснулась плеч Ивана и Гия, до этого молчавших.

Боярин выпрямился и захотел что-то сказать, но Желя не дала.

– Где мама?

Азар вдруг взволновался и указал на полки, где не хватало кувшина и белых покрывал.

– Василиса рождает.

Желя привстал на носочки от волнения и принялась приглаживать белёсые волосы.

– Как давно мама ушла? Не важно!.. Мне надо к ним.

Девушка развернулась, нашарив что-то на полках, но Гий хмуро преградил ей дорогу.

– Вот вы и рассказывайте! – ответила она ему и выскользнула из дома прочь.

Сидя за общим столом, Иван чувствовал себя странно. Вместе с Гием они пришли сюда, чтобы попросить помощи, но Гия, по большей части, этот поток просто подхватил. Нет да нет боярин замечал, что вор косится на выход – вот-вот сбежит. Однако разговор не шёл, и только тихая песня бабушки для своего внука нарушала тишину.

Желя возложила на их плечи обязанность в рассказе, но он вышел скомканным и каким-то ненастоящим, словно и Иван, и Гий придумали историю про сожжённую деревню, ночь оплакивания и разбойников по пути сюда.

– Хорошо, про отравленные пироги я суть понимаю, – сказал после Азар. – Мировна давно этим известна...

Гий поднял брови и, когда хозяин вышел из-за стола на зов старухи, тихо сказал:

– Наверное, он поэтому на её дочери и женился. А не то нашли бы потом всего жёлтого с опухшими глазами.

Иван только вздохнул, не стал его одёргивать.

– Знаешь, за последний день мы участвовали в похоронах и, судя по всему, рождении...

– А ещё мы сидим здесь, когда дурное предчувствие никуда не ушло.

Они успели умолкнуть в тот самый момент, когда вернулся Азар. Вид у него был усталый, глаза прикрыты, и он, бодрясь, упёр руки в бока.

– Вы хотите сказать, что какие-то охотники пожгли деревню, увели людей, а потом там появились вы. Там бабушка, и как раз приходит Желя?

Иван кивает, сминая шапку в руках. Ему кажется, что ещё немного, и их с Гием просто прогонят вшей.

Азар хмыкает и растирает глаза.

– Да, у женщин и роженицы сейчас всё куда яснее...

Азар был прав. Нет ничего яснее оплакивания покойников или принятия новой жизни. Всё суть одного и того же, и каждая держала эту мысль в сердце, погребая в землю или омывая от материнской крови.

Когда женщины закончили, на улицах стало оживлённое. Все те, кто сидел по избам, вышли наружу, словно был снят какой-то запрет. Но деревенские передвигались тихонько, почти не переговаривались, чтобы не накликать чего плохого.

И только когда из избы роженицы вышли соседки и знахарки с окровавленными руками да грязной тканью и вылили в кусты ненужную воду, по улицам разлился смех. В каждом окне горел свет, скрипели и захлопывались двери.

Желя шла из дома Василисы, вытирая пальцы платком, и опиралась плечом на мать. Когда она вбежала в главный зал, наполненный столами Василисы и слаженно помогающими женщинами, передающими ковши с водой и полотенщами, Желя не растерялась и не позволила увести себя к детям Василисы, прячущимся в другой комнате.

– Пусть сидят с отцом, – сказала она строго и подвязала волосы потуже, закатала рукава. И женщины её не прогнали.

Когда Василиса увидела её сбоку, то приподняла голову и постаралась улыбнуться.

– Твой нож не пригодился, – соврала Желя, чтобы успокоить её, – но спасибо.

После этих слов, как показалось всем в комнате, рождение пошло легче. Знахарка их деревни сказала:

– Своенравная лезет девчонка. Смотрите, как мать притомила.

Загадывание Василисы и предсказание знахарки сбылось – родилась девочка. Возвращаясь домой, Желя слышала, как в шутку сетуют соседи, но женщины, лохматые и пахнущие чужой кровью, улыбались, умывая кричащую маленькую.

Дом встретил их запахом мяса и овощей – мужчины не дождались и накрыли на стол сами. Мама Жели удивилась, увидев старушку с внуком на руках, но это не переросло в смятение, она прижала её к себе и приняла сына.

Желя же чувствовала странное воодушевление. В тот момент даже Гий с Иваном, к которым до этого она относилась настороженно, показались почти близкими. Тут же вспомнились законы гостеприимства, зажглись лучины, и ложки ударились о посуду.

– Знаете, мне вся эта мелкота, – начала бабушка, кивая в сторону внука и имея в виду новорождённую дочь Василисы тоже, – напомнила, как рожали Желю. Раза два моя дочь отходила от хозяйства, говоря, что вот-вот разродится. Даже уже звали знахарок, дочь моя лежит, а Желе хоть бы хны – посуетилась немножко и успокоилась. Зато на другой раз, когда в преддверии какого-то праздника Вила выпила браги, Желя вдруг поняла, что пора!..

– Да, вот с тех пор я не пью даже по поводам, а то опять пойму, что что-нибудь пора.

Но воодушевление уходило вместе с оживлением во дворах. Деревенские засыпали, но в доме Азара и Вилы ещё горел свет. Хозяйка мыли посуду, а Иван всё рвался помогать, но его как гостя постоянно усаживали на место. Все тянули с трудным, трудным разговором.

– Мама, ты должна вспомнить всё это снова и рассказать ещё раз, – сказала Вила, тени на её лице перебегали из стороны в сторону, следуя за движением огня на лучине.

И бабушка рассказала снова. Про охотников, шум в ночи, огонь, много огня и странную машину с клювом и крыльями. То, что было после, старуха рассказывала обрывочно, и никто за столом не стал её мучить.

Иван пытался узнать про пламенный механизм больше.

– А куда охотники повезли её дальше?

– В сторону большого оврага. Да, должно быть, туда...

Азар выпрямился и сложил руки на столе.

– Значит, они ушли в противную от нас сторону. Там, севернее, почти нет поселений, только временные кочевья.

Гий, до этого молчавший, показался в полутьме бледным и сухим, словно это его, обугленного, вытащили из золы.

– От этого не легче. – Взгляд вора ходил с поволокой, он прикладывал все усилия, чтобы показаться едким и скучающим. – Они быстро расправятся с теми людьми и пойдут обратно.

Все ещё немного помолчали.

Позже, когда огонь стал почти оранжевым, как отравленные бабушкой пирожки, Иван прочистил горло и сказал:

– Что бы ни случилось, мы благодарны вам за гостеприимство. Рано с утра мы уйдём, но не забудем вашей доброты.

– Вы тоже добры, – примирительно сказала Вила, обмениваясь с ними вежливостью. Все вспомнили покойников сожжённой деревни, и что именно Гий с Иваном помогли их похоронить, а потом ещё довели бабушку и Желю до защищённого места.

Но Гий вдруг нарушил всю томность, проговорив:

– Мне нужно идти сейчас.

Желя, до этого разглядывающая игру света в волосах бабушки, повернулась к нему. Он с самого начала казался ей бесшабашным, но чтобы идти одному в ночь, зная, что где-то в окрестностях катится огненная машина, – слишком даже для него.

Гий, казалось, понял, почему девушка так на него посмотрела, и поднял руки вверх, отбояриваясь.

– Если ты поспишь немного, ничего не случится, – сказала бабушка. Она сидела, почти закрывая глаза, и это послужило знаком, чтобы и весь дом засыпал вслед за ней.

И Гий даже не заставил себя просить. После первых же слов Ивана, что в ночи он только заблудится и нарвётся на ещё какие-то беды, вор сдавленно кивнул и лёг в отведённый угол, зажав глаза.

Желя, видя в этом ребячество, покачала головой и дала поклонившемуся Ивану одеяло. Эта ночь будет самой сложной и тихой из всех.

Поутру Желя проснулась из-за шума во дворе. Она выскользнула из-под бока матери и, накинув на плечи бабушкин платок, вышла наружу.

– Коня не можем дать. История слишком странная, и неясно, что может вскорости пригодиться. – Это Азар говорил последние слова Гию и Ивану, снаряжённым в дорогу.

Никто из них не обиделся, и Иван даже понимающе приложил руку к груди.

Потом к ним подошла бабушка с корзинкой в руках.

– Эти пироги тоже отравлены? – спросил Гий шутливо, но лицо его оставалось заострённым и бледным.

– Только часть из них, – подыграла старушка, – станет скучно – сыграйте в загадку: «Умру – не умру».

Гий цокнул языком и всё-таки улыбнулся, принимая корзину.

Покачиваясь от тяжести в голове и сердце, Желя вышла к ним – коса полураспущена, глаза смотрят с прищуром и настороженностью, но в них больше не было той колкости, с которой она глядела на этих двоих весь прошлый день.

– И куда вы шли до этого? – спросила она.

Иван, смутившись, сделал вид, что разглядывает узор мелких камней под своими ногами, а Гий вгляделся в небо с таким видом, словно пытался понять, будет сегодня дождь или нет.

– Ладно, скрытники. Куда вы пойдёте теперь?

– На север, – ответили ей почти хором, и Желя насторожилась опять.

– По рассказам бабушки, туда поехала огненная махина.

Гий помолчал, а когда понял, что девушка не станет пускать эти слова в воздух, добавил коротко:

– Там стоянка моих. Нужно вернуться и предупредить.

Желя понимающе кивнула и больше не стала лезть с вопросами, и спросил Иван, обращаясь к Азару:

– Но что будете делать вы?

– Скоро проснутся другие, я соберу людей, поговорим. – Он тяжело вздохнул. – Хоть я ещё и не понимаю полностью, что творится.

Бабушка, стоявшая рядом, скривилась с таким видом, словно зять угостил её кислым яблоком.

– Вы, главное, не нарвитесь на неприятности, – заключила Желя и нахмурилась, но не сердито, а встревоженно.

Иван, снимая шапку, поклонился Азару, бабушке Мировне и Желе, Гий отделался одним общим поклоном, вид у него был такой, словно он и не спал вовсе. Только в последний миг он посмотрел в лицо Желе дольше положенного, точно ища чего-то, и тут же резко отвернулся.

Желя и бабушка, которых Азар звал обратно в дом, отказались и смотрели, как парни скрываются за холмом. Зять ушёл один, а они, не сумев отделаться от смята, сели на порог дома и умолкли.

– О чём задумалась? – спросила Желя, положив голову бабушке на плечо.

Дыхание старухи было мерным, спокойным, но потом грудь начала вздыматься всё выше и выше, и девушка поняла, что она плачет.

– Я вспоминаю. – В голосе не было слёз, но щёки – мокрые, капли застревают в глубоких морщинах. – У меня была подруга, ну ты помнишь её. Такая же, как я, древняя. Каждое своё утро старуха начинала со слов: «Господи, поскорее бы Судный день». Наверное, именно из-за этого нрава она дожила до белых седин...

Желя не перебивала бабушку, не мешала вспоминать. Вдруг она поняла, как это было нужно им обоим – поплакать и вспомнить, но не подставляя лук к глазам, а здесь, по-настоящему...

И вдруг, когда Желя почувствовала, что почти задремала на тёплом плече, старуха схватила её за руку и встряхнула.

– Я поняла!.. – прошептала она заговорщицки, приставляя палец к губам. Девушка склонилась к ней низко-низко.

Она приготовилась слушать ещё, но вид у бабушки был слишком возбуждённый, чтобы вспоминать горести последних дней.

– Пока деревня ещё стояла, – шептала бабушка, – ко мне в ночи пришла девушка. Не нашенская. В богатом платье, – она провела руками по юбке, словно показывая блеск дивных узоров, – длинными густыми волосами, золотистыми, как свечной свет. И девица пришла одна...

Желя в какую-то секунду подумала, что старушка придумывает, но увидела лицо загадочной гостьи из рассказа так чётко, что не стала прерывать её слов.

– Она словно долго-долго бежала по лесу, эта боярышня. Лицо испуганное, но гордое, и она так ничего и не сказала – от кого бежит, почему... И через день пришли охотники.

Прошло немного времени, но бабушка больше ничего не сказала. Желя отвернулась в сторону, туда, куда ушли Иван и Гий, и вдруг задумалась, какую дичь загоняли те охотники с огненной машиной на самом деле.

Глава 7

– А теперь води себя потише, – сказал Гий в темноте.

Солнце уже опустилось, и стало холодно, но они продолжали идти. Иван было подумал, что и привала не будет, тем более что вор всё не сбавлял шага и только выше и выше взбирался на крутую тропу.

Деревья поредели, появились тонкие и кривые кусты почти без листвы. А ещё камни, много валунов и галечная крошка, шумевшая под сапогами.

– Вы со своей стаей в скалах живёте? – осторожно спросил Иван, выдыхаясь. Он шёл, согнувшись близко к земле. Край кафтана извисялся в пыли, а руки перепачканы в траве и пылице ещё несколько часов назад, когда они уходили с луга.

– Мы волки, а не соколы. – Приближаясь к дому, Гий почти не хмурился. Улыбка его становилась настоящей, а не едкой, как это было ниже холма.

– Только я не знаю, не загрызут ли меня, – вздохнул Иван. Его ноги не привыкли к долгому пешему пути, и сейчас хотелось свалиться в траву, положить руку под голову и уснуть.

– Не стони, боярин, мы близко.

Чуть впереди показалась груда камней. Плоские, ребристые, они стояли друг на друге, как древний алтарь. Тут же на ребре стоял венок из сухих веток, обвязанный лохматыми лентами и пёстрым тряпьем.

– Ой... – только и проговорил Иван, когда Гий подошёл к алтарю и взял пару лент.

– План такой, – вор вздохнул, приглаживая волосы, – есть у нас правило: чужаков приводим только со связанными руками и закрытыми глазами. Так, для доверия, и чтобы не выследили.

Иван зажевал губы, глядя, как Гий медленно подходит, чувствуя его настороженность.

– Это надолго?

– Нет. Тебя увидят мои, которые на страже, и я развяжу.

Иван сомневался, но кивнул. Лицо бледное в свете вечера, шапка набекрень. Если останется здесь – придётся ночевать одному среди мелких деревьев и валунов, зная, что где-то близко обитает стая воров и разбойников.

– Только не туго...

– Не гунди.

Гий зашёл боярину за спину и связал руки, запястья саднила старая выветренная ткань, но Иван терпел. Потом завязали глаза, и боярин на несколько мгновений потерялся.

– Гий, ты же не оставишь меня здесь одного?

Вор сдерживает смех.

– Да зачем мне?

– Просто из забавы.

Слышится вздох, а потом Ивана хлопают по плечам.

– Мурыжить тебя – не такое большое веселье. Топай, нужно ещё выше.

Если бы глаза были открыты, Иван начал спорить, но темнота, неспособность даже нащупать себе путь из-за связанных за спиной рук сделали его ещё смиреннее. Он терпеливо зашагал вперёд, чувствуя чужие ладони на спине.

Постоянно спотыкаясь о камни, они дошли до места, где послышался звук капель, где шум отражался со всех сторон. Стало прохладно, запахло влагой.

– Пещера? – спросил Иван, ударяясь плечом о камень. Он вдохнул воздух сквозь зубы.

– Я же просил потише.

Вокруг стоит странный гул, и Ивану кажется, что где-то выше слышатся шаги. И это шаги не его, не Гия. Руки за спиной пропали, боярин, вскинув голову, развернулся на месте.

– Гий?

– А теперь можно и поговорить. – Голос вора где-то справа, далеко. Камни крошатся на пещерный пол, словно он садится. – Я же вижу, что ты совсем нездешний. Хороший кафтан, сапоги, косишь под дурачка...

– Гий, хватит. – Иван дёрнулся, и связанные руки режутся о полоску ткани. Перевязь на глазах даже рывком головы не скинуть – так крепко она завязана.

– Хватит! Ты освободишься, когда я решу. – Теперь Гий говорил слева, немного ближе, но от того, как тихо он переходил по пещере, Иван поёжился. – Когда мы говорили со старухой, когда мы ночевали в деревне, ты постоянно спрашивал об огненной махине. Выспрашивал какие-то пути, дороги... К чему?

Нарочито шумные шаги. Иван попятился, но споткнулся и упал на бок.

– К чему тебе прикидываться дураком и искать огненную махину? – Последний вопрос звучит тихо-тихо.

Иван не сразу смог набрать в грудь воздуха, чтобы ответить:

– Это был приказ... Отец велел найти мне огненную махину...

– погоди, так вы знали, что она будет в наших краях? И не предупредили местных?

Шаги зазвучали снова, и Иван был готов поклясться, что в пещере не только они двое.

– Это долгий рассказ... Я хотел... Мы не виноваты!

– Ч-ч-ч, – шёпот Гия звучал обманчивым успокоением, – этот рассказ ты побережёшь для нашего вожака. Там и решим, кто прав, а кто виноват.

Иван так и не понял, что с ним сделали, но голова опрокинулась на пол пещеры, звук воды стал громче, как на берегу шумной реки.

Очнувшись он уже в тишине. Руки по-прежнему связаны, но уже спереди, а повязка с глаз съехала на нос. Стало дурно, и Иван согнулся, лёжа на земле. Лбом он коснулся холодного пола.

В голове не было ни плана, ни проклятий для Гия.

Иван не смог бы сказать, сколько просидел один. Глаза привыкли, и он увидел покатые стены пустой землянки. Неподалёку стояла чашка, но не придумал ли он её себе, боярин не знал.

Но тут сверху посыпался песок, и проник тонкий луч света. Послышалось копошение, Иван, помедлив, подполз ближе.

Из косого проёма показались длинные волосы, перебитые мелкими косичками. За ними показалось белое лицо и лохматая ткань бурой шали.

Девочка, завернутая в пёстрые одежды, смотрела на Ивана сверху вниз и усмехалась. Было в ней что-то от повадок Гия.

– Ты будешь вылезать или нет? – бесстрашно спросила она. Слова получились квакающими, словно девочка научилась говорить совсем недавно.

– Да. – Иван стряхнул повязку с носа на шею, резко кивая. – Да, буду.

Детское личико пропало, боярина ослепил свет. Через секунду сверху свесилась верёвка, и, споткнувшись о воздух, Иван поднялся на ноги.

– Мои руки... связаны. – Он с сомнением ухватился за плетение, сухое и острое, и ощутил, как кто-то много сильнее тащит его наверх.

Стукнувшись макушкой о земляной потолок, Иван почувствовал тяжёлую руку на воротнике, которая, как котёнка, вытянула его и бросила на свет. Боярин зажмурился.

– Дальше справишься сама? Я не собираюсь за ним ходить, – сказал кто-то сверху, голос горланый и тяжёлый.

Ответа Иван не услышал, потому что его легонько пнули под ребро, заставляя распахнуть глаза и подняться.

Это был сухой луг с колючей травой и пряными цветами, запах которых щекотал нос. Свет рассеянный и неверный, по сторонам дороги стояли факела. Иван посмотрел на небо, где солнце уже закрыли горы, и вздрогнул.

– Иди, – приказала девочка, стоящая рядом.

Боярин захотел протянуть ей руки, чтобы развязала, но взгляд у маленькой надсмотрщицы был такой грозный, что он не решился и пошёл по тропе.

Землянка, куда его свалил Гий, стояла чуть поодаль от цветных шатров из обрезков ткани, кожи и шкур. Запах огня усилился, но на этот раз не было тех жутких чувств, как на пожжённой деревне – этот огонь был защищающий, кормящий, греющий.

Ветер принёс запах варящейся еды, и у Ивана заурчало в животе.

И из этих шатров медленно выходили люди...

С самой первой встречи Иван понял, какой крови Гий. Его народ носил множество имён, ведь никогда не знал своей исконной земли, и племена-соседи называли их каждый на свой лад. Но сами они называли себя Волками, – признавали жизнь в лесу, держались вместе, все друг за друга. Эта волковость проявлялась даже в наружности; в серо-русых волосах, бледных глазах и коже и, словно желая совсем не растаять в своей бесцветности, жилища они украшали яркими тканями, рисунками из охристых глин и блестящими безделицами.

Многие обряды, например, вой на полную луну, как то бывает у настоящих волков, этот народ потерял, но остался деревянный венок, который видел Иван – Волчье Колесо – как символ ночного круга.

Волки, мужчины и женщины, смотрели на боярина колко, исподлобья. И Иван понимал: сам он выглядел как разбойник с большой дороги – лохматый, пыльный, весь в ссадинах. Волею Гия, ему оказали радушный приём...

Девочка привела его к одному из шатров, что не выделялся на виде остальных, но по тому, как играющая малышня обходит его стороной, чтобы не потревожить шумными забавами хозяина, Иван понял, кому сей кров принадлежит.

– Мы к вожаку? – тихо спрашивает он, наклоняясь, но маленькая проводница прикладывает палец к губам.

И они подслушивают.

– Гий, знаешь, как это выглядит? Ты теряешь сноровку и не можешь выдержать боя с лесными разбойниками, возвращаешься в стаю с пустыми руками и приводишь сюда чужака. И всё это в беспокойствии, когда нам приходится сниматься с кочевья.

Иван заглянул в щель и увидел, как Гий сидит к нему спиной, скрестив ноги. Вожак напротив в той же позе, но руки по-хозяйски упёрты в колени.

– Я не собираюсь оправдывать свои ошибки, – сказал Гий, – но чужого я привёл сюда, чтобы всё вывести. Быть может, он знает больше, и мы придумаем, как обойтись без нового далёкого пути.

Вожак, хмуясь, медленно покрутил головой. Гий сидел бездвижно.

– Отец. – Впервые боярин услышал, что Гий сбивается на слове. – Та огненная машина уже пожгла несколько деревень. Нет веры, что, покончив с остальными, её не поведут по нашему пути на новое место. Следует всё вывести...

– Не учи старых волков! – Вожак срывается. – Если бы я сам не видел в том нужды, мальчишка бы не сидел у нас в землянке. К слову, надо его встретить...

Иван вздрагивает, когда взгляд старшего резко вперивается в его глаза, и дёргается назад. Их заметили. Но провожатая не теряется и вступает в шатёр, ведя за собой боярина за сжатую ладонь.

– Волчонок, опять шалишь? – рычит вожак. – Укушу за бочок.

Девочка взвизгивает и смеётся, словно её схватили только что, и убегает прочь.

Иван ловит хмурый взгляд Гия и кланяется.

– Я благодарю за встречу.

– Благодарить нужно не за сами встречи, а за то, чем они кончаются, – протягивает отец Гия и ведёт рукой в воздухе.

Когда Иван не понимает, Гий требовательно хлопает по покрывалу рядом с собой: «Садись!»

И Иван садится.

Вожак волков не похож на своего сына. Он широк и коренаст, а Гий высок и сух. Сын со своими белёсыми прядями и впалыми щеками словно родился бесцветным, а отец же покрылся пылью дорог и светом огня во время долгих кочевий. Иван видит седые волоски в усах и курчавых волосах, прижатых к черепу, и думает, как часто сыновья не похожи на своих отцов.

– Говори же. Нельзя злоупотреблять нашим гостеприимством.

Иван не стал вспоминать, что его держали в земляной темнице и, сглотив, начал рассказ:

– Мой отец узнал, что у здешних людей есть огненная махина, восточное оружие, помогающее в войне и защите. И он велел мне заполучить её и привести.

Вожак коснулся рукой щеки и спросил:

– И что твой отец, раз косится на такое орудие? Купец? Выдумщик на всякие орудия? Воин?

– Князь.

В эту секунду взгляд волка, до того рассеянный и ленивый, вперился в Ивана, разглядывая каждую черту его лица. Только стиснув зубы, боярин сумел выдержать и не отвести глаза.

Тишина стояла долго.

– Несколько лет назад я, Василь, с кочевьем был у главного города. Тогда родился третий княжеский сын, и весь люд праздновал. Но говорили, что младший княжич до того хил, что не дотянет и до возмужания.

Ивану нечего было на это ответить, и он пожал плечами, чувствуя, как сжимает руками край кафтана.

– Но это ещё не причина сожжённых деревень. – От сухого голоса Гия холодок бежит по коже. – Ваших рук дело?

Боярин качает головой.

– Не предполагалось, что кто-то будет махину... использовать, так мне было сказано. Всю эту историю я узнал уже на месте, с тобой.

Гий отворачивается, от его нахмуренных бровей на глаза падают тени.

– Махина как-то оказалась в руках у охотников. Вы их вообще знаете? – Вспомнив, что Иван не местный, вор махает рукой. – Они выкрали её? К чему тогда жечь своих?

Вопросы оставались без ответов, но Иван добавил:

– К кому же охотники не убивают намеренно. Бабушка говорила, что большую часть просто увели.

– Бабушка? – Василь снова цепко посмотрел на Ивана, и Гий снова отмахнулся.

– Когда мы пришли в пожжённую деревню, там осталась только одна старуха. Тут же, как на зов, прибыла внучка, и мы довели их до ближайшей деревни.

Василь покачал головой, постепенно теряя интерес.

– Ещё будет много потерь, – только и сказал он.

Гий пальцем расковыривал дырку на покрывале, глядя в пол. Глаза прикрыты, как у отца, но по сдавленному дыханию видно, что вор взволнован. Тихо хлопнув себя по колену, точно привлекая всех, он спросил:

– Но что мы будем делать теперь? – И, пока отец не отмахнулся снова, добавил: – Уход с кочевья не поможет. Махину могут просто отправить по нашему следу.

– Думаешь, охотникам нужны мы?

– Посуди сам, – Гий заёрзал на месте, – мы давно не в ладах. Охотники не любят, что мы не сидим на месте, караулим людей на дорогах...

Иван сделал вид, что разглядывает потолок шатра.

– ...иногда охотимся в их угодьях. – Он немного помолчал, чтобы сказать: – А деду они вообще брюхо вспороли.

– Тогда странно, что они пускают в ход огонь на селения, а не рыщут по лесам в поисках нашей стоянки. Не станем же мы проникаться милосердием и жертвовать собой, чтобы спасти чужих?

Никому из них не требовалось отвечать. Василь коснулся пальцами губ и покрутил кистью. Иван не понял, но Гий выпрямился, словно их прогоняли.

– Отец, нужно что-то ответить.

– Нужно защищать наших. Много волчат народилось, ты предлагаешь идти с ними против огненной махины?

– Но мы же не можем просто прятаться.

– Мы и не прячемся, а готовимся пуститься в путь. – Взгляд вожака Василя сделался тёмным, тягучим, и он сказал сухо: – Тем более что ты и до этого не мог показать себя в бою.

Он махнул рукой опять, уже требовательнее, и Иван поднялся с покрывала следом за Гиём. Боярин запоздало кивнул, глядя на волка, чтобы после выйти с ним из шатра на холодный воздух.

– Гий! – Он пытался догнать вора, но тот даже не обернулся.

Иван поравнялся с ним, скользя мимо других шатров, людей, спящих в темноте, и череды костров, разгоняющих тьму.

Гий наконец остановился у одного. Рядом стоял дымящийся котёл и посуда, которую перебирал один из волков, высоченный и мускулистый. Замечая, как он вглядывается, Иван отчего-то подумал, что это именно он достал его из земляной темницы.

Мужчины коротко поговорили, пока боярин топтался поодаль, а потом великан-волк ушёл, подмигнув Ивану, и скрылся в шатре.

Гий всё ещё не заговаривал. Черпаком он наполнил тарелку смесью из овощей, грибов и каких-то горьких лесных трав, добавляемых для вкуса. Он так и сел у костра, сжимая посуду, а потом, вдруг заприметив поблизости Ивана, выгнул брови дугой и передал ему пищу.

Боярин присел подальше, вглядываясь в варево. Странно сготовленное, оно вдруг напомнило те кушанья, которыми его угощали бабушка Мировна и Желя, но Иван был так голоден, что даже не скривился, когда попробовал на зуб особенно горькую травинку.

– Что, княжичи нынче обращаются с едой без ложек? – Гий выглядел устало – щёки в тених, глаза прищурены, но тон неожиданно повеселевший.

Иван опомнился, что начал есть руками, только когда обжёт пальцы.

Вор закатил глаза и принялся есть сам, но выходило как-то кисло, нехотя. Едва наполнив живот, Иван покосился на него и сказал, стараясь приободрить:

– Мой батюшка тоже не шибко в меня верит. Отправил сюда, чтобы глаза не мозолил. Сперва была мысль отправить за машиной всех нас троих, братьев, но потом я спросил, что будет с княжеством, если мы все трое сгинем в этом пути, и меня отправили одного. Хватило же дурости рот открыть...

Гий ничего не ответил, но уже через секунду медленно, от тихого к громкому, начал раскатываться его смех. В конце он запрокинул голову, вдыхая воздух.

– Да, рядом с тобой я – баловень судьбы. – Его глаза заблестели в свете костра, косоворотка показала блестящую от пота шею.

Обоим им стало почти легко.

Где-то наверху, на дереве, закричала птица. Шум кочевников стал явственнее, кто-то заиграл на инструменте, закричали от веселья дети.

Вдруг вспомнив что-то, Иван закрыл глаза. Так, должно быть, выглядела деревня Мировны, пока её не сожгли.

– А если они правда приволокут огненную махину сюда? – сказал он тихо-тихо, так, что, казалось, даже не будет услышанным.

Гий только хмыкнул в ответ, размазывая кусочком хлеба дно глиняной чашки.

– А у тебя есть решение?

Он ссутулился и посмотрел на Ивана, лохматившего грязные волосы и в самом деле начавшего думать.

– Представим, что нам нужна махина... – подсказал вор.

Боярин ответил почти сразу.

– Её не придётся долго искать. Та штука, которая сжигает селения, не так легко спрячется даже в ваших краях.

И Гию нечем было это крыть.

– И вот, представим, махина перед нами...

Тут Иван умолк, задумавшись покрепче. Гию уже было представилось, что боярин задремал, когда услышал ответ:

– Ну мы вряд ли её сломаем, да? А если украсть?

От неожиданности Гий выпрямился на месте, он в волнении, которое силился скрыть, повернулся к Ивану и зачесал выбившиеся пряди назад.

– Шутишь?

– Да нет...

Гий вперился взглядом в него, как это делал отец-вожак в шатре. Волк наклонился вперёд, говоря быстро-быстро:

– Да ты шутишь, признай!..

Иван оторопело заморгал. Было непонятно, пытается ли Гий задеть или заставлял передумать, и боярин рассеянно расстегнул кафтан, вдруг почувствовав себя глупо.

– Ну ты ведь вор. Ты же умеешь. – Неосознанно он начал как бы настаивать, сам удивляясь своей уверенности. – Ты, должно быть, всю жизнь этим промышляешь. Так в чём разница в том, чтобы выкрасть коня и какой-то огненный механизм?

Гий молчал долго. Очень долго. Он разглядывал чёрную в ночи траву, слушал треск дерева в огне и пытался привести себя в чувство. Иван, ощутив скорую победу, наклонился поближе, почти скатываясь к земле, и сказал, улыбаясь:

– А шутка в том, что разница, похоже, невелика...

– Коня у меня, похоже, нет. – Гий скривился.

– Но он же был. – Боярин пожал плечами и вернулся на место, поправляя рукава. – Думать, как не потерять эту Жар-Птицу, будем потом.

Волк смотрел на Ивана и пробовал понять. Он в самом деле с самой первой их встречи был дураком или только умело притворялся?

– Откуда у княжича такая тяга к разбою? Не учили няньки да дядьки, что это дурно?

– Учили.

– А что княжичи должны храбростью и силой показывать свою удаль?

– Тоже. – Иван треплет кудри, шапка уже давно свалилась в траву, и главное, не забыть её тут. – Но ты видел, что храбрости и силы у меня, как у старого пня. Но ведь и хитрость княжичам нужна...

Гий, поймав его улыбку, не смог не усмехнуться в ответ.

– Ты ведь понимаешь, что мои не будут помогать. Своих бед полно...

Он сам замолчал, чувствуя, что только оправдывается. Чем меньше – тем лучше, ведь толпой воровать у охотников будет только в тягость.

В конце концов Гий взял себя за подбородок, принимая последнее решение. Вор снова взгляделся в Ивана, весёлость которого никуда не ушла.

– Мы дураки.

– Да ладно тебе, не так страшно...

Пользуясь случаем, Гий хлопнул его по плечу, как разбушевавшегося волчонка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.